

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕТСТВА В ПОЭЗИИ АНГЛИЙСКИХ РОМАНТИКОВ

А. В. БАБУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Исследуется сущность феноменологии детства в поэзии английских романтиков. Обосновывается мысль о том, что детство является не только возрастным периодом от младенчества до зрелости, но и особым психокультурным феноменом, который, пройдя историческую эволюцию, сформировался как культурный миф в литературе романтизма. Утверждается, что впервые миф детства проявил себя в поэзии английских романтиков, где он предстал как воплощенная идиллия, которая соотносит свои структурно-семантические компоненты с мифом о золотом веке, определяя прошлое в качестве идеального состояния и выявляя мотивы гармонии, счастья, беззаботности, свободы, родственной связи ребенка с природой. Подчеркивается, что миф детства находит свое воплощение в пасторально-буколических образах, переосмысленных в контексте христианской символики, и образах Христа и Богородицы как покровителей безмятежного мира детства. Показано, что мотив гармонии, счастья и беззаботности встречается в стихотворениях У. Блейка «Из колыбельной песни», «Весна», «Дитя-радость»; мотив свободы – в стихотворении Д. Г. Байрона «Хочу я быть ребенком вольным...»; мотив родственной связи ребенка с природой – в стихотворениях У. Вордсворта «Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай», «Нас семеро», «Мотыльку», «Мальчик» и др. Отмечено, что древнейшие пасторально-буколические образы встречаются в стихотворении У. Блейка «Агнец».

Ключевые слова: миф; детство; феномен; мотив; образ; идиллия; золотой век.

PHENOMENOLOGY OF THE CHILDHOOD IN ENGLISH ROMANTIC POETRY

A. V. BABUK^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Childhood is not only an age-related period from infancy to grown-up age. Modern humanities consider a childhood as a special psychological and cultural phenomenon that has evaluated and formed as a cultural myth in a romantic literature. This myth has appeared in English romantic poetry for the first time where it has been revealed as a personified idyll that correlates its structural and semantical components with a myth of a golden age and determines the past as an ideal condition and shows such motives as motive of harmony, happiness, insouciance, freedom, the motive of a native connection of a child with a nature. The myth of a child also finds its personification in pastoral and bucolic images that are rethought in a context of such Christian symbols as Jesus Christ and the Mother of God who are considered to be patronesses of serene childhood. The motives of harmony, happiness, insouciance can be met in such poems as «A Cradle Song», «Spring», «Infant Joy» written by W. Blake; the motive of freedom can be met in a poem «I would I were a careless child...» written by G. G. Byron; the motive of a native connection of a child with a nature can be revealed in

Образец цитирования:

Бабук А. В. Феноменология детства в поэзии английских романтиков // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 45–50.

For citation:

Babuk A. V. Phenomenology of the childhood in English romantic poetry. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 45–50 (in Russ.).

Автор:

Александр Вадимович Бабук – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей факультета международных отношений.

Author:

Alexander Babuk, PhD (philology); senior lecturer at the department of English for economics, faculty of international relations.
alexander-babuk@yandex.ru

such poems as «Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey, on Revisiting the banks of the Wye during a Tour. July 13, 1798», «We are Seven», «To a Butterfly», «There Was a Boy» written by W. Wordsworth and others. And the most ancient pastoral and bucolic images can be discovered in a poem «Lamb» written by W. Blake.

Key words: myth; childhood; phenomenon; image; idyll; golden age.

В возрастной психологии детством называется период индивидуального созревания человека от рождения до отрочества, включающий развитие от беспомощного существа до вполне сознательной личности, способной принять ответственность за себя и своих близких [1, с. 96]. Как период филогенеза, детство характеризуется не только возрастными физиологическими и психологическими чертами, но и особенностями мировосприятия, поэтому современная гуманитарная наука рассматривает его и как определенный период развития человека, и как особый психокультурный феномен.

Именно данное определение детства понуждает нас к использованию метода феноменологического анализа художественного текста. Феноменология, как философское направление, восходит к учению Э. Гуссерля о структуре феноменов [2, с. 399], которые (в применении к литературному тексту) непредвзято проявляют сами себя (А. Брентано). Феноменологический анализ художественного текста открывает множественность интерпретаций, и главным для него становится то, что читатель может извлечь во время акта чтения [3, р. 403]. Этот анализ предполагает три этапа. Прежде всего определяется структура феномена, для чего в нем выявляются составные части, или уровни (в этом отношении феноменологический анализ можно считать предшественником структурализма). Следующая ступень связана с онтологическим исследованием феномена. На третьем этапе выясняется причинная обусловленность феноменов произведения, которая кроется в реальности.

Представление о детстве как особом этапе жизни человека, отмеченном антропологической спецификой, формировалось в мировой культуре постепенно. Вплоть до XVIII в. человечество представляло собой «цивилизацию взрослых»: детство рассматривалось как этап, который необходимо преодолеть, чтобы стать полноценным членом общества; ребенок не осознавался как носитель определенных характерных физиологических и психологических признаков.

В литературе романтизма миф детства складывался главным образом из освоения и осмысления этого периода жизни человека как феномена. В психологии ребенка романтики нашли черты, недостающие взрослым людям или со временем утрачиваемые ими. Отсутствие свойств ребенка во взрослом человеке побуждало романтиков рассматривать детство как идеальное состояние, противостоящее грязно-эгоистической материальной практике жизни. Неудивительно поэтому, что положительные герои их произведений часто напоминают больших детей или наделяются чертами романтического юноши, в котором обнаруживается глубина и чуткость человеческой души. Так ребенок и его внутренний мир в романтическом произведении получили особый психологический статус.

Открытию детства как особого внутреннего переживания предшествовало появление литературы сентиментализма, в которой ребенок впервые был представлен как тип личности, обладающей рядом психофизиологических особенностей. К этому направлению литературы относятся такие произведения, как «История Томаса Джонса, найденыша» Г. Филдинга, «История Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерна, «Исповедь» Ж. Ж. Руссо. Причем значение последних двух книг заключается в том, что в них впервые используется антропологический потенциал художественного приема «мир глазами ребенка», когда автор с помощью героя, выступающего в качестве нарратора, погружается в воспоминания о своем детстве.

Миф детства в литературе и культуре романтизма представляет собой вариант культурного мифа, которому, как и другим его историческим разновидностям, свойственны следующие функции: утопическое моделирование идеальной действительности, противостоящей современности; познание и в то же время проблематизация существующей действительности через идеализацию прошлого; психологическая компенсация состояния неудовлетворенности, характерной для современников переходных эпох, отмеченных резкими изменениями в мировоззрении общества и социальной сфере в целом. Способность культурного мифа гармонизировать мироощущение человека переходной эпохи, ликвидировать зазоры между эмпирической действительностью и идеальными представлениями о социуме, а также интересами каждой личности, которые могут не совпадать с общественными интересами [4, с. 456], обуславливает постоянное присутствие этого мифа в человеческой истории. В нем утверждаются общезначимые ценности эпохи, которые, как правило, основаны на универсальных архетипических представлениях.

Парадигма мифа детства в литературе романтизма формировалась в соответствии с основными структурно-семантическими составляющими мифа о золотом веке, включающего в себя такие компоненты, как идиллическое единство Бога и человека, чистота (естественность) и невинность

человека, бесконфликтность и блаженство ввиду отсутствия смерти, рай как образ гармонии природы и человека.

Английский романтизм, возникший в эпоху культурно-исторического перелома, стал художественным выражением нового взгляда человека на мир, обусловленного многообразием сложных противоречий и конфликтов в жизни Европы конца XVIII – начала XIX в. Вместе с тем важным представляется тот факт, что Англия была первой страной, в которой произошла буржуазная революция (1640–50-е гг.) и начали формироваться капиталистические отношения. Именно поэтому для ранних английских романтиков, принадлежавших к «Озерной школе», было характерно острое неприятие современного промышленного города; в свою очередь, консерватизм, особая приверженность традициям, как определяющая черта английской ментальности, обусловили идеализацию добуржуазных патриархальных отношений с присущим им культом дома, семьи, природы.

В рамках этой общей парадигмы начала оформляться феноменология детства, которая в литературе романтизма мифологизировалась.

Детство в произведениях английских романтиков осмыслялось как воплощенная идиллия, поэтому с ним связаны мотивы гармонии, счастья и беззаботности. Так, в стихотворении У. Блейка «Из колыбельной песни» (*A Cradle Song*) образ безмятежного детства реконструируется благодаря таким характеристикам, как *звонкий ключ, тихий, тонкий лунный луч*, которые воплощают красоту мира; *счастливый сон, спокойный сон, материнский нежный смех, улыбок легкий рой*, которые акцентируют чувство покоя и защищенности ребенка. В стихотворении «Весна» (*Spring*) образ счастливого детства дополняется мотивами всеобщего веселья, радости, песни, в которых отражаются открытость ребенка доброму миру и их гармоничное единение:

Birds delight
Day and night;
Nightingale in the dale,
Lark in sky,
Merrily,
Merrily, merrily, to welcome in the year.

Little boy,
Full of joy;
Little girl,
Sweet and small;
Cock does crow,
So do you.

Всюду птичий щебет.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Рады все на свете.
Радуются дети.
Петух – на насесте.
С ним поем мы вместе [5, с. 74].
(Пер. С. Я. Маршака.)

Образ ребенка и детства в поэзии У. Блейка является воплощением счастья, которое должно быть естественным состоянием каждого человека. Развивая идеи Ж. Ж. Руссо, поэт утверждает, что человек рождается для радости и привносит ее в мир самым фактом своего рождения. Эту мысль У. Блейк высказывает в стихотворении «Дитя-радость» (*Infant Joy*):

“I have no name:
I am but two days old”.
What shall I call thee?
“I happy am,
Joy is my name”.
Sweet joy befall thee!

Pretty Joy!
Sweet Joy, but two days old.
Sweet Joy i call thee
Thou dost smile,
I sing the while,
Sweet joy befall thee!

– Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.
– Как же тебя назову?
– Радуюсь я, что живу.
Радостью – так и зови меня!
Радость моя –
Двух только дней, –
Радость дана мне судьбою.
Глядя на радость мою,
Я пою:
– Радость да будет с тобою! [5, с. 78].
(Пер. С. Я. Маршака.)

В идиллической картине детства закономерно актуализируются древнейшие пасторально-буколические образы, прежде всего образ ягненка. В стихотворении «Агнец» (*Lamb*) У. Блейк разрабатывает сложную систему ассоциаций, связанных с этим образом: на предметном уровне он выступает как ягненок, у которого «волнистый пух», «голосок, что нежит слух»; в переносном смысле слово «агнец» обозначает кроткого, послушного человека, и потому в стихотворении он соотносится с ребенком,

ягненок и дитя отождествляются (*Ты – ягненок, я – дитя* [5, с. 59]). На символическом уровне слово «агнец», которое в Новом Завете выступает как именование Иисуса Христа и в то же время отсылает к мотиву искупительной жертвы, обозначает одновременно Творца и Христа (*Кто пастишь тебя привел / В наш зеленый веший дол? <...> Был, как ты, он слаб и мал, / Он себя ягненком звал. <...> Он такой, как ты и я* [5, с. 59]). Игра значениями заглавного образа дает возможность не только раскрыть многоплановую семантику детства, подчеркнуть кротость, нежность ребенка, но и указать на его изначальную связь с Царством Небесным.

Онтологическим первоисточником и прообразом идиллии для английских романтиков выступает природа как символ гармонии, счастья и зачаток жизни. Поэт У. Вордсворт в стихотворении «Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай» (*Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey, on Revisiting the banks of the Wye during a Tour. July 13, 1798*) писал: *...я рад признать / В природе, в языке врожденных чувств, / Чистейших мыслей якорь, пристань сердца, / Возжатою, наставника...* [6, с. 219]. Поэтому счастье, как характеристика детства, основано, по мнению У. Вордсворта, на том, что именно ребенок, пришедший в мир из недр бессмертия, находится ближе всего к природе. Бессмертным предстает ребенок в знаменитом стихотворении «Нас семеро» (*We are Seven*):

“But they are dead; those two are dead!
Their spirits are in heaven!”
Twas throwing words away; for still
The little Maid would have her will,
And said, “Nay, we are seven!”

«Да нет уж двух: они в земле,
А души в небесах!»
Но был ли прок в моих словах?
Все девочка твердила мне:
«О нет, нас семь, нас семь!» [7, с. 68].
(Пер. И. И. Козлова.)

В стихотворении У. Вордсворта «Мотыльку» (*To a Butterfly*) звучит мотив сродненности ребенка и природы: бабочка вызывает в сознании лирического героя воспоминание о «чудной поре» детства, детских играх, семье – отце и любимой сестре, которые оживают в памяти. Бабочка выступает как мнемонический знак детства и в то же время как символ его мимолетности и хрупкости воспоминания о нем (*Мой бег, отчаянный прыжок: / Оберегал ревниво Бог / Пыльцу прелестных крыл* [6, с. 558]). В стихотворении «Мальчик» (*There Was a Boy*) У. Вордсворт феноменологически точно описывает способность ребенка воспринимать обыденные явления окружающего мира как чудо:

And long halloos, and screams, and echoes loud
Redoubled and redoubled; concourse wild
Of jocund din! And, when there came a pause
Of silence such as baffled his best skill:
Then, sometimes, in that silence, while he hung
Listening, a gentle shock of mild surprise
Has carried far into his heart the voice
Of mountain-torrents; or the visible scene
Would enter unawares into his mind
With all its solemn imagery, its rocks,
Its woods, and that uncertain heaven received
Into the bosom of the steady lake.

И звонкий свист, и хохот, и в горах
Гул перекатный эха – чудных звуков
Волшебный хор! Когда же, вслед за тем,
Вдруг наступала тишина, он часто
В безмолвии природы, на скалах,
Сам ощущал невольный в сердце трепет,
Заслышав где-то далеко журчанье
Ключей нагорных. Дивная картина
Тогда в восторг в нем душу приводила
Своей торжественной красой, своими
Утесами, лесами, теплым небом,
В пучине вод неясно отраженным [6, с. 227].
(Пер. Д. Е. Мина.)

Это детское восприятие в зрелом возрасте порождает умение видеть метафизическую глубину в самых простых вещах, особенно если они связаны с воспоминанием о детстве. Так, Т. Мур в стихотворении «Вечерний звон» (*Those Evening Bells*), ставшем знаменитым и любимым в России благодаря переводу И. И. Козлова, создает своего рода метафизическую мистерию о скоротечности жизни, непостижимой власти времени, уносящего в прошлое любимые тени, неизбежной травме взросления и ухода в мир взрослой жизни:

Those evening bells! those evening bells!
How many a tale their music tells
Of youth, and home, and that sweet time
When last I heard their soothing chime!

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз! [8, с. 184].
(Пер. И. И. Козлова.)

В то же время элегическая грусть вносит в стихотворение мотив детства как утраченного рая.

У поздних романтиков, в частности у Дж. Г. Байрона, идиллическая картина детства как гармоничного единения с природой переосмысливается и на первый план выходит мотив свободы, вольного скитальчества, мужественного единоборства с природными стихиями. Так, Дж. Г. Байрон воспекает детство именно как царство вольной жизни в противопоставлении с рабским духом мира взрослых, в котором поэту приходится жить:

I would I were a careless child,
Still dwelling in my Highland cave,
Or roaming through the dusky wild,
Or bounding o'er the dark blue wave;
The cumbrous pomp of Saxon pride
Accords not with the freeborn soul,
Which loves the mountain's craggy side,
And seeks the rocks where billows roll.

Хочу я быть ребенком вольным
И снова жить в родных горах,
Скитаться по лесам раздольным,
Качаться на морских волнах.
Не сжиться мне душой свободной
С саксонской пышной суетой!
Милее мне над зыбью водной
Утес, в который бьет прибой! [9, с. 31].
(Пер. В. Я. Брюсова.)

Однако идиллический образ детства в сознании и поэтической картине мира романтиков постоянно соотносится с миром реальной действительности. Даже в произведениях, в которых такое противопоставление не выражено в сюжетном и образно-мотивном строе, оно представляет собой значимое отсутствие, поэтому идиллия детства воспринимается читателем как своего рода утопия, воплощающая авторское представление об идеальном мире. Чаще в творчестве поэтов присутствует композиционный параллелизм, благодаря которому идиллическая картина детства, данная в одном произведении, отрицается картиной жестокого мира в другом.

Особенно это характерно для У. Блейка, который после цикла «Песни невинности» (*Songs of Innocence*) написал цикл «Песни опыта» (*Songs of Experience*), где картина радостного детства сменилась образом жестокого реального мира, неласково встречающего ребенка в момент его появления на свет, как, например, в стихотворении «Дитя-горе» (*Infant Sorrow*):

My mother groan'd, my father wept,
Into the dangerous world I leapt;
Helpless, naked, piping loud,
Like a fiend hid in a cloud.

Мать вопит! Отец молчит...
В страшный мир мне путь открыт.
Тварь дрожащая нагая –
С омерзеньем родился я.

Struggling in my father's hands,
Striving against my swaddling-bands,
Bound and weary, I thought best
To sulk upon my mother's breast.

Как из тучи – дьяволенок,
Плача, рвусь я из пеленок
И отца луплю, пока
Жду – невкусного – соска [8, с. 35].
(Пер. В. Л. Топорова.)

Детство как представление об идеальном устройстве мира становится у английских романтиков критерием оценки современного буржуазного общества. Так, в поэме У. Вордсворта «Безумная мать» (*The Mad Mother*) разрабатывается образ поруганного материнства, когда в стране появилось множество бездомных женщин, которые бродят по большим дорогам, прижимая к груди голодного малыша, или в отчаянии останавливаются, склоняясь над холмиками детских могил. В отличие от мирного, уютного, защищенного детства, описанного У. Блейком в колыбельной песне, у У. Вордсворта колыбельная, которую поет мать своему ребенку, описывает жизнь как цепь испытаний, тревог в открытом и незащищенном мире, грозящем малышу гибелью:

Then do not fear, my boy! for thee
Bold as a lion will I be;
And I will always be thy guide,
Through hollow snows and rivers wide.
I'll build an Indian bower; I know
The leaves that make the softest bed:
And, if from me thou wilt not go,
But still be true till I am dead,
My pretty thing! then thou shall sing
As merry as the birds in spring.

Не бойся, маленький! Поверь
Тебя, отважная, как зверь,
Переведу сквозь реки я
И сквозь дремучие края.
Сооружу тебе жилье:
Из листьев – мягкую кровать.
И если ты, дитя мое,
До срока не покинешь мать, –
Любимый мой, в глуши лесной
Ты будешь петь, как дрозд весной [6, с. 151].
(Пер. И. С. Меламеда.)

Подводя итог, можно отметить, что феноменология детства в поэзии английских романтиков, во-первых, определяется основными структурно-семантическими составляющими мифа о золотом веке, что выявляет парадигматическую функцию архетипических представлений о прошлом; во-вторых, реализуется в текстах с помощью мотивов гармонии, счастья, беззаботности, свободы, родственной связи ребенка с природой, мотива восприятия мира как чуда, а также в пасторально-буколических образах, переосмысленных в контексте христианской символики, и образах Христа и Богородицы как покровителей безмятежного мира детства.

Библиографические ссылки

1. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. 4-е изд., стер. М., 1999.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии : пер. с нем. М., 2009. Кн. 1 : Общее введение в чистую феноменологию.
3. Prince G. Reader // Handbook of narratology. Berlin ; New York, 2009. P. 398–410.
4. Кнабе Г. С. Ливий и исторический миф // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 456–466.
5. Блейк У. Избранное / пер. С. Маршака. М., 1965.
6. Вордсворт У. Избранная лирика / сост. Е. Зыкова ; на англ. яз. с парал. рус. текстом. М., 2001.
7. Поэты «Озерной школы» : сборник : пер. с англ. / сост., авт. предисл. и коммент. Л. И. Володарская. СПб., 2008.
8. Поэзия английского романтизма : сборник : пер. с англ. / коммент. Е. Витковского, О. Афониной. М., 2010.
9. Байрон Д. Г. Собрание сочинений : в 4 т. / сост., вступ. ст., общ. ред. Р. Ф. Усмановой. М., 1981. Т. 2.

References

1. Mukhina V. S. Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo [Age psychology: the phenomenology of development, childhood, adolescence]. 4th ed. Moscow, 1999 (in Russ.).
2. Husserl E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Moscow, 2009. Book 1 : Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu (in Russ.).
3. Prince G. Reader. *Handbook of narratology*. Berlin ; New York, 2009. P. 398–410.
4. Knabe G. S. Livii i istoricheskii mif [Livy and the historical myth]. In: Knabe G. S. *Materialy k lektsiyam po obshchei teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima*. Moscow, 1994. P. 456–466 (in Russ.).
5. Blake W. Izbrannoe [Favorites]. Moscow, 1965 (in Russ.).
6. Wordsworth W. Izbrannaya lirika [Favorites Lyrics]. Moscow, 2001 (in Russ.).
7. Poety «Ozernoi shkoly» [Poets of the «Lake School»] : collection. Saint Petersburg, 2008 (in Russ.).
8. Poeziya angliiskogo romantizma [Poetry of English Romanticism] : a collection. Moscow, 2010 (in Russ.).
9. Byron D. G. Sbranie sochinenii [A collection of works] : in 4 vol. Moscow, 1981. Vol. 2 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 17.01.2017.
Received by editorial board 17.01.2017.